

БУМАЖНЫЕ

СЕРДЦА

ЕВА КАРТЕР

КАК
СПАСТИ
ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(410)

ББК 84(4Вел)-44

К27

Eva Carter
HOW TO SAVE A LIFE
Серия «Бумажные сердца»

All rights reserved including the rights of reproduction in whole
or in part in any form.

Перевод с английского *Марины Манучаровой*

Оформление обложки *Анны Гайворонской*

Автор иллюстраций *Дарина Бонроуд*

Картер, Ева.

К27 Как спасти жизнь : [роман] / Ева Картер; – [перевод
с английского М. Манучаровой] — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2024. — 480 с. — (Бумажные сердца).

ISBN 978-5-17-152812-6

Один день. Три жизни. Восемнадцать минут.

Керри и ее лучший друг Тим мечтают спасти жизни, поэтому усердно готовятся к поступлению в медицинскую школу. Но неожиданно у их одноклассника останавливается сердце...

Почти восемнадцать минут восходящая звезда футбола Джоэл Гринуэй мертв. Искусственное дыхание. Вдох. Выдох. Керри пытается помочь ему. Тим же слишком потрясен и застывает на месте. Они еще не знают, что эти восемнадцать минут изменят следующие восемнадцать лет их жизни...

... отберут у Джоэла шанс на карьеру...

... разобьют большое сердце Керри...

... заставят Тима разочароваться в себе.

И теперь им придется решить, что на самом деле значит — спасти чью-то жизнь?

УДК 821.111-31(410)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-152812-6

Copyright © 2021 by Kate Harrison
© Манучарова М., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Руководство

по цепочке выживания:
Часть первая

Сегодня может быть тот день, когда вы спасете чью-то жизнь.

Представьте себе комнату, в которой находятся пятьдесят человек: это может быть класс, но заполненный не учениками, а людьми, которых вы знаете и о которых заботитесь.

Один за другим ваши друзья и члены семьи начинают падать на пол. В конце концов только трое остаются стоять.

Такова реальность остановки сердца. Без немедленной помощи выживут менее трех из пятидесяти человек. Это может случиться с кем угодно и где угодно.

И в тот момент, когда это происходит, часы начинают тикать. Сердце больше не перекачивает кровь к мозгу и другим органам, лишая их кислорода.

Но с помощью такого человека, как вы, целых три четверти пациентов могут получить шанс. Представьте, что тридцать пять человек снова оживают, поднимаются с пола, отряхиваются.

Повышение их шансов начинается не с врачей, а с нас. Потому что, скорее всего, именно мы окажемся рядом, когда у кого-то случится остановка сердца. На работе, в парке, дома.

Дальнейшее зависит от того, насколько правильно поступит каждый из нас.

Мы называем это цепочкой выживания, и она состоит из четырех звеньев.

Первое звено — самое простое, но и самое важное.

Нужно суметь разобраться, что у кого-то случилась остановка сердца, и вызвать помощь.

Первое: если вы увидите кого-то без сознания и без признаков дыхания, позвоните 999.

Каждая секунда на счету.

31 декабря 1999 года

1. Керри

Шесть минут. У меня остается шесть минут, чтобы меня поцеловали.

Триста секунд и отсчет, если я не хочу закончить еще один год (давайте посмотрим правде в глаза — целое тысячелетие) как единственный семнадцатилетний подросток в Брайтоне, который никогда не целовался.

Большинство девочек в *Sixth Form** прошли весь путь до конца. Это видно по тому, как они двигаются: отвязно танцуют на гальке на каблуках, которые то и дело проваливаются между камешками, неуверенные, сексуальные и...

— Интересно, что обрушится первым, Национальная сеть или управление воздушным движением? — говорит Тим, передавая мне банку *Diamond White*** . Когда я подношу ее к губам, оказывается, что в ней осталась только яблочная пена.

Я смотрю на небо.

— Тебе, наверное, не стоит так восхищаться идеей Армагеддона.

Он ухмыляется.

* Школы двухгодичной подготовки к университетам — для подростков 16–18 лет.

** Марка белого сидра.

— Ничего не могу с собой поделаться, мне хочется немного острых ощущений.

Тебе и мне — обоим.

— Знаю. Но в следующем году мы наконец-то получим свою долю.

В это время в декабре следующего года я буду в Манчестерском университете. И, как это ни кажется сейчас невозможным, велика вероятность, что к тому времени меня уже будут целовать, и, надеюсь, гораздо чаще. Перспектива наконец потерять девственность — даже не самое волнующее в 2000 году. Потому что через год я буду учиться на врача, а Тим... ну, если повезет, он может делать то же самое.

— Если «проблема миллениума» не уничтожит нас... — он смотрит на свои часы, — ...через пять минут. Тебе не кажется, что мысль о том, будто мир находится на грани катастрофы, заставляет чувствовать себя безрассудным?

Глаза Тима блестят: я вижу, как в них отражаются огни, которые зажгли на пляже хиппи. Но дело не только в пламени. В его лице есть что-то еще, напряженность.

О, черт!

Он собирается поцеловать меня.

Он не должен!

Может быть, это было бы не самое худшее решение, если бы мы собирались сделать это наедине и заранее договорились о деталях. Мы не один раз тренировались друг на друге делать перевязки и повязки, так почему бы не поцеловаться? Мы оба хотим быть готовыми к тому моменту, когда это действительно будет иметь значение. Практика делает тебя совершенным.

Только я не думаю, что он считает это репетицией. Этого не должно случиться, особенно здесь, на глазах у всех.

Я отступаю назад, за пределы досягаемости, ирываю зрительный контакт, глядя через плечо Тима туда, где Джоэл и его приятели устроили шумную возню в Лаунсе,

освещенном гирляндами выпускного вечера. Мороз превратил землю в бетон, но они, похоже, этого не замечают. Они слишком сосредоточены на том, чтобы опередить Джоэла, хотя и знают, что никогда не сумеют.

Если бы Джоэл не играл, мне было бы неинтересно смотреть. Но он делает все так, что это выглядит словно танец. Он двигается в два раза быстрее остальных, футбольный мяч всегда у его ног, словно прикрепленный какой-то скрытой силой.

— ...вероятно, мы могли бы обвинить язычников. Ну, знаешь, за решение, что новый год должен наступать в декабре, — произносит Тим, начиная новый монолог. Я позволяю словам плыть ко мне, не воспринимая их. — Или, полагаю, это могли быть римляне...

— Может быть, — я держусь достаточно далеко, чтобы он не мог дотянуться. Для Тима все должно быть ясно: он самый умный ученик в школе, но иногда он также самый тупой, и я не могу позволить ему думать, что поцеловать меня — хорошая идея.

Поцелуй меня.

Я представляю, как говорю эти слова Джоэлу. Позволив себе поверить хотя бы на мгновение, что вместо того, чтобы рассмеяться мне в лицо, он мог бы сделать так, как я прошу.

Греза кажется восхитительно горячей, несмотря на ночную прохладу.

На лужайке Ант делает неуклюжую попытку схватить Джоэла, но падает, и вот уже Джоэл перепрыгивает через туловище своего лучшего друга, чтобы снова поразить ворота, и они оба смеются, когда он бьет по мячу, который приземляется точно посередине между двумя толстовками GAP, положенными в качестве штанг.

Шесть — ноль в пользу Джоэла. Я про себя фиксирую счет.

— ...но почему они не выбрали день летнего солнцестояния для празднования Нового года? — на верхней губе Тима осталось пятнышко пены от сидра, и я собираюсь

наклониться и смахнуть его, как обычно. Вот только... что, если он поймет это неправильно?

Я хочу, чтобы все вернулось к тому, как было с тех пор, когда нам исполнилось семь: мы носились по его и по нашему садам и каждый вторник проверяли жизненные показатели друг друга в *зале скаутов**. Я ненавижу новых нас: то, как он хохочет над моими шутками, даже когда я не пытаюсь быть смешной; то, как тайком косится на меня, словно только сейчас заметил, что я женщина. Мы никогда не играли в *доктора и пациента*.

Всегда было ясно, что мы оба станем врачами.

— День летнего солнцестояния стал бы лучшей вечеринкой. Приносить в жертву девственниц, жарить свиней. Или наоборот.

Я тоже изменилась. Я так нервничаю, слушая его витиеватые монологи! Я представляю, как ухожу от него. Сбрасываю натирающие *Shelley* на шпильках. Направляюсь на игровое поле, а заледеневшие травинки колются через мои колготки.

В той, другой реальности я прыгаю за мячом, как Бэмби. Забиваю гол.

Челюсть Луизы Норман, еще недавно сжатая, но, к сожалению, не зашитая проволокой, отвисает от моей смелости. Моей грации. Возможно, «грация» — слишком амбициозно, особенно с моим послужным списком. Я согласилась бы на то, чтобы быть удивительной. Быть заметной.

Краем глаза я вижу, как бежит Джоэл. А потом его вдруг просто нет.

Он не спотыкается, не вытягивает руку, чтобы выпрямиться или остановить падение. Он просто падает лицом вниз, с прямыми ногами. Мальчик, который упал на землю**.

Остальные продолжают играть: толстый Мэтт неожиданно завладевает мячом и с криком пинает его к воротам.

* Здание, используемое как место для встреч скаутской группы.

** Отсылка к роману Кэти Летт «Мальчик, который упал на землю».

Я задерживаю дыхание, ожидая, когда Джоэл встанет. Это что, такая игра? Он не такой шутник, как Ант, и конечно же не стал бы рисковать получить травму на ровном месте. До окончания школы Джоэл был единственным, кто никогда не курил и не пил. Даже сегодня вечером он прикладывался исключительно к апельсиновому соку...

Теперь и Ант заметил неладное. Он поворачивает назад и кричит:

— Давай, Джоэл, болван чертов! — и, добежав до своего друга, подталкивает его своим большим черным ботинком. Один раз. Второй. В третий раз это больше похоже на удар.

Джоэл по-прежнему не двигается.

Ясность поражает меня, как молния. Я бросаю свою сумку-мессенджер (Тим в это время разбирает сатанинское происхождение христианских ритуалов), и, хотя я намеревалась *не спеша* направиться к Джоэлу, у моих ног, похоже, другая идея. Такое случается со мной часто и обычно приводит к неприятностям.

Даже сейчас, когда я бегу по лужайке, я проклинаю себя, но не могу остановиться. Меня высмеют за это в общей комнате *Sixth Form*. Семь мучительных лет сохранять в тайне свою влюбленность — и теперь я собираюсь все испортить за три чертовы минуты до полуночи.

Ускоряюсь. Я почти на месте.

Неподвижность Джоэла заставляет меня затаить дыхание. Другие мальчики кружат возле него, переключаясь. Ант хмурится, и когда я вхожу в круг, наши глаза встречаются. Я готовлюсь к насмешкам — он дразнил меня все школьные годы, — но вместо этого я замечаю панику.

— Что с ним такое? — спрашивает Ант.

— Он валяет дурака, — подает голос один из парней. Я не знаю, кто именно, потому что уже опускаюсь на колени рядом с Джоэлом, острые иголки травы протыкают мое вечернее платье и впиваются мне в голени.

— Нет, — возражаю я, — это не так, — мой громкий голос удивляет всех и меня в том числе. — Помолчи. Мне нужно послушать, уловить частоту его дыхания.

Хотя я не уверена, дышит ли он вообще.

АВС*. Азбука первой помощи мелькает у меня в голове, придавая мне уверенность. Меня готовили к этому.

Я наклоняюсь ближе к лицу Джоэла. Если он просто отключился, я должна почувствовать тепло его дыхания. Но — кроме сладкого запаха апельсинового сока — ничего.

А — дыхательные пути. Я наклоняю его подбородок, чувствуя под кончиками пальцев легкое покальвание от щетины. Я раздвигаю пальцами его губы, уже видя в нем не мальчика, которого люблю больше всего на свете, а лишь головоломку, которую нужно разгадать. Кажется, ничто не блокирует его горло. Он должен был бы дышать.

— Ант, нам нужно уложить его на спину.

Джоэл тяжелый. Мертвый груз. Но когда мы с Антом пытаемся его перевернуть, я чувствую прилив сил. Мгновение он лежит на боку, прежде чем плюхнуться на траву с мерзким шлепком. Парни вздрагивают.

— Осторожнее! — вопит толстый Мэтт. — Его ноги застрахованы на десять тысяч каждая.

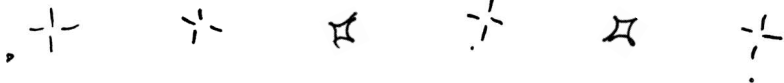
Я не отвечаю. В голове крутится: его ноги ничего не стоят, если он мертв.

В — дыхание. Его грудь неподвижна. Ничто не движется. Время замедлилось, но мои мысли стали быстрее и яснее, чем когда-либо.

Я поднимаю взгляд.

— Один из вас должен сбегать к телефонной будке и набрать 999. Вызовите «Скорую помощь». Скажите им, что он не дышит. Скажите им, чтобы они приезжали побыстрее.

* Аббревиатура: Airway — дыхательные пути, Breathing — дыхание, Circulation — кровообращение.

Пятеро парней стоят, разинув рты, как будто я говорю на иностранном языке.

— Пэдди, беги!

Он пожимает плечами и ковыряет землю, как будто не уверен, стоит ли повиноваться мне и рисковать тем, что его будут дразнить в течение следующего года.

— Я серьезно. Отправляйся немедленно, — чтобы показать, что я серьезно отношусь к делу, я возвращаюсь к работе, прижимая длинные худые руки Джоэла к бокам. — Беги! Ты, Мэтт, иди и встань у дороги. Попробуй остановить полицейскую машину.

К моему и своему удивлению, они подчиняются.

— Тим! — кричу я.

Он пробился вперед. Стягивая толстовку с Джоэла, чтобы обнажить его грудь, я жду, когда Тим опустится на колени рядом со мной, чтобы взять все на себя. На занятиях он всегда настойчиво стремился вмешаться.

Но, подняв глаза, вижу, что он просто смотрит на меня. У меня нет времени разобраться почему.

С означает... кровообращение.

Я что — собираюсь сделать это?!

Похоже, больше некому.

— Пусть все отойдут, — говорю я Анту, придвигаясь ближе к Джоэлу, мои колени касаются его рук.

Если и были какие-то сомнения в том, что Джоэл не такой, как все мы, то его грудь — тому доказательство. Она широкая, мускулистая, мужественная. В своих фантазиях я представляла, что нахожусь так близко к нему...

Его темно-золотистая кожа покрыта пленкой пота. Я пытаюсь найти правильное место между его ребрами: мои бледные руки похожи на руки маленькой девочки, а ногти обкусаны — это было напряженное Рождество дома.

Сомнение наполняет меня. Он не может умереть. В любой момент он может резко выпрямиться. Рассмеяться мне в лицо. Я навсегда останусь известной как идиотка, которая влюбилась в заводилу Джоэла.

Это может быть худшим решением, которое я когда-либо принимала. Но когда я смотрю вниз вдоль его туловища, я вижу темное пятно вокруг его паха. А потом чувствую резкий запах мочи и понимаю, что это не шутка.

— Пожалуйста, Ант, незачем на это смотреть. Убери их подальше.

— Эй, вы, отодвиньтесь! Дайте девушке немного места.

Я кладу правую руку поверх левой и даваю вниз. Нет. Слишком осторожно. Пластиковый тренировочный манекен всегда весело подпрыгивал вверх-вниз. Ребра и мышцы Джоэла, кажется, сопротивляются мне.

Я делаю это снова. Сильнее. В этом нет ничего веселого. Я должна быть яростной. В третий раз, кажется, получается. Вздохи зрителей затихают, и я делаю то, чему меня учили, настраиваюсь на свой собственный голос и считаю вслух.

Один, и два, и три, и четыре, и пять, и шесть, и...

Быстрый ритм детской песенки «Слониха Нелли» — это тот темп, в котором я должна давить на грудную клетку. Снова похоже на веселье. Шутники в училище обычно пытались найти самые неуместные мелодии с тем же ритмом.

Stayin' Alive *.

Я повторяю слова песни в своей голове, чтобы отвлечься от того, что я делаю, но они настолько некстати, что вызывают у меня отвращение. Мои руки слишком слабы для усилия, необходимого, чтобы разогнать кровь по атлетическому телу Джоэла. Это что, ребро прогнулось?! Он будет весь в синяках, когда очнется.

Если очнется.

Это не кино. Вряд ли кто-то выживает в реальной жизни. Я нажимаю сильнее, чтобы осознание того, насколько это безнадежно, не передалось моим рукам.

Есть какая-то другая песня?

*Another One Bites the Dust***.

* Пер.: «Остаться в живых». Песня группы *Bee Gees*.

** Пер.: «Еще один повержен в прах». Песня группы *Queen*.

Но текст этой песни еще хуже. Слишком жестоко, слишком реально.

...четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Я понимаю, что затаила дыхание. Однако сейчас оно мне необходимо — для него, а не для себя. Я пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха, чтобы отдать его Джоэлу. Пока я считаю, я составляю карту его лица, запоминая расстояние между ртом, носом и глазами. Где бы ни был Джоэл, здесь его точно нет.

...двадцать восемь, двадцать девять, тридцать...

Я откидываю его голову назад, гладкая кожа на шее натянута и все еще теплая. Я зажимаю ему нос так сильно, как меня учили зажимать виниловые ноздри манекена, чтобы остановить утечку драгоценного кислорода.

Опускаю голову. Прижимаю свои губы к его губам.

Совсем рядом (хотя с тем же успехом это могли быть мили) я слышу ликование, а затем залп. Где-то в Брайтоне взрывается фейерверк. Но вокруг Джоэла никто не разговаривает.

Наступил 2000 год.

Я чувствую вкус апельсинового сока и кошусь влево, вдоль тела Джоэла: я жду, когда его грудь поднимется, когда его легкие наполнятся моим дыханием.

И я молюсь — хотя мы с Тимом подробно обсуждали это и не уверены, что Бог может существовать, — чтобы этих примитивных манипуляций, которые я совершаю не смотря ни на что, было достаточно.